

Кудольская. — 2001. — 1-7 февр. — с. 4

# На прошедшее десятилетие лучше всего взглянуть из 2010 года

Марина Вишневецкая — писательница абсолютно современная. В ее удивительной прозе, которую она сама называет акустическим пространством, переплелись самые разные голоса: интеллектуалов, эстетов, персонажей улицы и подворотен. Все ее герои — из нашей жизни:

девочка-подросток, только-только познающая себя, молодая беспечная мамаша, филолог, бомжи... Марина Артуровна окончила ВГИК, работала в документальном и анимационном кино, затем — на телевидении. Публиковаться Вишневецкая начала сравнительно недавно. В 1996 году стала лауреатом премии журнала "Знамя" в номинации "Лучший рассказ". В 1999 году издательство "Вагриус" выпустило ее первую книгу "Вышел месяц из тумана", в 2000-м там же вышел сборник "Увидеть дерево".

— Почти все ваши герои — люди очень молодые...

— Юность — один из самых важных периодов в жизни каждого человека. Столько всего закладывается в это время... Я помню, как во ВГИКе Мераб Мамардашвили на одной из лекций как бы мимоходом сказал, что не хотел бы снова оказаться в юности, ведь никто же не знает, повезет ли тебе опять: выберешься ли ты из этого темного леса на ту самую, свою дорогу. А нынешнее время мне кажется особенно немилосердным ко всем, кто сейчас растет, формируется. Оно обрушивает на них слишком много соблазнов, искушений, дурновкусия. И как среди этого уцелеть, как случиться? Начиная писать "Вот такой обелен" (это небольшая повесть, она опубликована в "Знамени" и моей последней книге), я пыталась ответить на этот вопрос. Ответить прежде всего самой себе. Моей ге-

роине двадцать лет, она сочиняет рэп, бросает грудную дочку, чтоб погонять с соседом на мотоцикле... Но в ней живет настоящая боль, она способна любить... Удивительно, что мои ровесники, годящиеся Зинке в матери и отцы, решили, что эта "пустая девчонка" не стоила моих стараний. А вот ее ровесницы, наоборот, обиделись и сказали: мы не такие, мы глубже, мы лучше!

Кстати потом, когда повесть уже была написана, я познакомилась с девушкой, оказавшейся очень похожей на мою героиню. Она тоже пишет рэп, с тем же вызовом судит своих родителей и мир вообще. Мои ведь все время забываем, что они нас судят, судят со свойственным юности максимализмом и, осудив, замыкаются, уходят так глубоко в себя, в свои диски или куда в более чреватые увлечения, а мы стоим снаружи, ничего в них не понимая, и презри-

тельно говорим о них: "сникерсы", одноклеточные...

— Критики часто прекают вас в том, что ваши герои, мягко говоря, чуть-чуть со сдвигом, самую малость ненормальные. Что для вас означает выражение "нормальный человек"?

— "Нормальным человеком" в реальной, ежедневной жизни я назвала бы человека адекватного — homo adaequatus, если, конечно, такой адеологизм возможен... Этот человек понимает, где он живет, как и для чего он живет, — по крайней мере, он пытается честно ответить на эти вопросы. Я думаю, что таких людей очень мало — всегда и везде.

Что же касается нормальности или аномальности литературных героев, то с них ведь совершенно иной спрос. Всякий персонаж есть часть художественного целого. Никому ведь не придет в голову спрашивать у анатома, нормальные или ненормальные герои Эль Греко. И точно также якобы ненормальные герои Платонова — это единственно возможные обитатели его, Платонова, вселенной. То, что принято называть сдвигом, — на самом деле есть обнаженная душа, острейшее восприятие. Через такого героя легче пропустить, обнаружить ситуации, темы, проблемы, которые волнуют всех.

— Марина Артуровна, отчего боль, страдания — главная тема (или одна из главных тем) ваших произведений? Почему не счастье?

— Я не думаю, что страдание и боль — главное в моих текстах. Не-

умение человека быть счастливым, неумение и неготовность сделать счастливым другого — да. Это одна из очень важных для меня тем, а в жизни, я бы даже сказала, загадок.

Конечно же, счастья в реальной жизни много больше, чем в литературе. И несчастий в реальной жизни тоже намного больше. Просто литература — не фотографический снимок действительности. Литература — это способ взаимодействия с ней. А говоря о взаимодействии, нельзя не вспомнить о старомодном слове "катарсис" — об очищении духа при помощи страха и сострадания. Мне бы очень хотелось, чтобы, вдоволь напечалившись вместе с моим героем, читатель вышел из этого текста хоть немного иным.

— Как вы относитесь к изменениям, произошедшим в нашей стране за последние десять лет? Считаете ли вы их закономерными, объяснимыми?

— В 1982 году мой дядя, он был тогда начальником ремонтного цеха на одном заводе и постоянно этот завод поднимал из руин, там все время что-то ломалось, рушилось... так вот он сказал, что в таком положении находится вся страна. И очень скоро ее ждет экономический крах. Я тогда ему не поверила, но зерно сомнения эти слова во мне посеяли. Наверное, поэтому события конца 80-х не стали для меня полной неожиданностью. Ну а уж сейчас-то, по-моему, только читатели газеты "Завтра" могут иметь на этот счет какие-то иллюзии. Конечно же, случи-

лось неизбежное, крах социалистической системы был прежде всего экономическим. И то, что от этого краха больше других пострадали самые слабые и незащищенные, к сожалению, тоже неизбежность. Другое дело, что пострадать они могли бы и должны были намного меньше. Я не верю в то, что у страны нет денег на лекарства, без которых зависимые от этих препаратов инвалиды могут просто умереть. Я не верю в то, что замораживающие в своих квартирах люди — это все та же экономическая неизбежность. Корысть, лень, халатность и очень "смешная" цена человеческой жизни — вот то, чем всякий кризис в России всегда многократно усугублен.

Что же касается моей профессиональной к нему готовности... После защиты диплома на сценарном факультете ВГИКа наш мастер Наталья Анатольевна Фокина честно сказала, что впереди у нас несколько лет абсолютной никому ненужности. Так что это состояние поиска работы или ожидания работы мне знакомо вот уже более двадцати лет. Правда, сейчас ситуация стала жестче, чем в 80-е: сейчас при деле остаются только профессионально пригодные. Но это и справедливо. Мне вообще порой кажется, что смысл всех наших мучений в том, чтобы люди, в массе своей развращенные "социалистической системой хозяйствования", наконец научились работать.

— Что для писателя важнее — стиль или позиция?

— Позиция — это все-таки приви-

легия автора публицистического высказывания. Или вы имеете в виду стиль и сверхзадачу, то, как они взаимодействуют?

— Да. Чем из них вы особенно дорожите? Ведь именно стиль отмечают все критики, которые пишут о ваших произведениях. Ваша проза так точно выстроена, что, кажется, читатель попадает к вам в плен еще до того, как поймет, о чем же, собственно, рассказ...

— Мне очень дорог эффект, о котором вы говорите. Обычно я очень долго пишу, каждое слово тщательно пригоняю к другому, в общем, выстраиваю своего рода лабиринт и очень хочу, чтобы читатель по нему двигался словно бы по своей, но еще и по моей воле. А кроме того, каждый текст — это взгляд на мир всегда нового для меня героя. Значит, это всегда и какой-то иной ритм и стиль тоже, хотя и мой, а все-таки чем-то иной. Ведь стиль — это и есть воплощенная сверхзадача. Стиль не выбирают, как выбирают чернила или шрифт на компьютере. Стиль — это то единственное, что дает мне шанс соприкоснуться с собственным замыслом. Мне, а потом и читателю. А спустя несколько лет — опять мне самой, но уже в качестве читателя. Как ни странно, но в собственном тексте можно открыть вещи, которые ты словно бы и не имел в виду, но именно стиль их вынес из твоего подсознания на поверхность.

— А каким вам представляется стиль современной литературы?

— К сожалению, я читаю не так уж и много. Особенно в те периоды, когда пишу. Потому что и очень хорошая книга, и очень плохая могут выбить из колеи на несколько недель. И все-таки, насколько могу судить, именно стиль современной литературе и не хватает. Не одного стиля на всех, а самого чувства стиля, вкуса к сделанности вещи, к ее художественности. Прочитав один-два абзаца безымянного автора, я хочу его или узнать (как моментально узнаю Искандера, Петрушевскую, Эппеля), или, не угадав, не узнав, закрыть книгу и открыть любую другую, где наверняка прочту что-то похожее. Стиль — ведь это прежде всего осмысление того, о чем ты пишешь, это та единственная вселенная, которую можешь создать только ты. Или не можешь.

А вообще на прошедшее десятилетие лучше всего взглянуть изда-лека, из года эдак 2010-го. Мне все-таки кажется, что 90-е только подготовили почву, только что-то взрыхлили, выговорили то, что можно было выговорить, почти не думая, вздохнул и сразу. А когда среди множества сорняков вдруг взойдут растения прежде невиданной красоты, 90-е годы обретут свой смысл, свою корневую систему. И очень может быть, что она окажется куда более мощной, чем мне, недалекovidной, мерещится сейчас.

Беседу вела  
Анна МАРТОВИЦКАЯ